

На правах рукописи

Филькина Александра Витальевича

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД
В ИССЛЕДОВАНИЯХ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ:
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

10.11.2009

Москва – 2009

На правах рукописи

Филькина Александра Витальевна

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД
В ИССЛЕДОВАНИЯХ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ:
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ**

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва – 2009

Диссертация выполнена в Институте социологии Российской академии наук.

Научный руководитель: доктор социологических наук,
профессор И. Ф. Девятко.

Официальные оппоненты: доктор социологических наук,
профессор В. В. Семенова,
Институт социологии РАН,

кандидат социологических наук,
доцент В. Г. Николаев,
кафедра общей социологии,
факультет социологии ГУ ВШЭ.

Ведущая организация: Самарский государственный университет,
кафедра методологии социологических
и маркетинговых исследований.

Защита состоится «___» 2009 г. в ___ часов ___ минут на заседании
диссертационного совета Д 002.011.01 в Институте социологии РАН
по адресу: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
социологии РАН.

Автореферат разослан «___» 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук *С.Г. Климова* С.Г. Климова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Использование этнографического метода широко распространено в современной социологии. Этнографический метод остается наиболее адекватным при изучении закрытых и локальных сегментов общества, получить информацию о которых другими методами затруднительно. При этом его применение предъявляет высокие требования к мотивации и этическим принципам исследователя, требует от него решения ряда методологических проблем: по взаимодействию с информантами, по валидизации данных и т.д. Наиболее значимыми при применении этнографического подхода в социологии становятся вопросы, связанные с личностью исследователя, поскольку, как заметили социологи М. Хэммерсли и П. Эткинсон: «Неважно, представляют ли себе люди, что такое социологическое исследование и что они о нем думают, они будут обращать внимание на то, что за человек сам исследователь и взаимодействовать с ним, а не “принимать участие в исследовании”¹. Определенная исследовательская позиция, таким образом, влияет на валидность тех описаний, которые составят исследователи по результатам взаимодействия с информантами. Соответственно, рефлексия по поводу особенностей формирования исследовательской позиции является необходимым элементом в сборе и обработке социологической информации посредством этнографического метода. Однако методологическая дискуссия по данному вопросу практически не представлена в российском социологическом дискурсе. Существуют отдельные области исследований, где так или иначе поднимались методологические проблемы этнографии в социологии: изучение быта постсоветской деревни (Т. Шанин, Е. Р. Ковалев), изучение субкультуры инвалидов (П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова), изучение субкультуры трудовых отношений (П. В. Романов, И. М. Козина)² и др. В то же время, работы по методологии этнографии, в которых бы глубоко анализировались вопросы формирования исследовательской позиции и этика исследователя, в российской социологии отсутствуют.

¹ Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: principle in practice. – London. – P. 83.

² Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. – М., 1999; Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. – М., 1999; Романов П. В. Социальная антропология организаций: история, эпистемология и основные методологические принципы. – М., 1999; Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная антропология. – М., 2004; Козина И. Особенности стратегии case-study при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России. – М., 1995;

В диссертационной работе была сконструирована схема для методологического анализа проблемы формирования исследовательской позиции. В основу схемы легла концептуализация понятия исследовательской позиции, проведенная на основе рефлексии по поводу данной темы, представленной в работах Р. Берджесса, М. Хэмерсли и П. Эткинсона, М. Агара. Схему формирования исследовательской позиции составили следующие основные аспекты понятия: рефлексивная личностная идентичность исследователя (самооценка исследователем своих личных и социально-демографических характеристик: пола, возраста, профессии, конфессии и т.д. с точки зрения их роли в формировании собственной исследовательской позиции), этическая ориентация по отношению к целям, субъектам, результатам исследования, а также собственно исследовательская роль, определяемая через соотношение инсайдерских и аутсайдерских компонентов. То есть понятие роли является более узким, чем концепт «исследовательская позиция», поскольку последняя затрагивает только один аспект взаимоотношений между исследователем и информантами – степень включенности в группу. Для классической методологии этнографических исследований характерно противопоставление ролей «инсайдера» и «аутсайдера» как бинарных категорий – предполагается, что исследователь является либо членом группы, либо чужаком для нее. Значимость предложенной схемы заключается в том, что детальное рассмотрение методологических вопросов, связанных с конструированием исследовательской позиции, способствует выявлению взаимосвязей между позицией исследователя и валидностью этнографических наблюдений. Очевидно, что в каждой специфической предметной области исследования рефлексия по поводу этих аспектов схемы может иметь определенные особенности.

Автор в качестве примера использования схемы обратился к конкретной области социологических исследований – этнографическому изучению новых религиозных движений, под которыми в данной работе понимаются любые религиозные группы, возникшие после Второй мировой войны и не признанные на данный момент традиционными в конкретном обществе¹. В этой области эмпирической социологии рассмотрение вопросов конструирования исследовательской идентичности является в высшей степени актуальным, поскольку ни в одной другой сфере социологических исследований не возникало таких трудностей в легитимации позиции академического исследователя, в разграничении научного описания религиозных субкультур и образов групп, создаваемых другими лидерами мнений – самими религиозными группами, журналистами, а также в оценке качества непосредственно

¹ Баркер, А. Новые религиозные движения. – СПб., 2005.

научных описаний. В отечественной социологии ранее не предпринималось попыток систематизировать опыт исследователей новых религиозных движений. В связи с этим дополнительную актуальность придает диссертационной работе предпринятая в ней попытка классификации типов современных исследований в данной сфере. Использование схемы для анализа исследовательской позиции позволило соотнести опыт отечественных и европейских исследователей НРД по таким параметрам, как личностные характеристики исследователей, особенности интерпретации исследовательской роли и отношение к профессиональному этическому кодексу.

Степень научной разработанности проблемы

Вопросы применения в социологии этнографического подхода рассматривались в западной традиции Р. Берджессом, П. Эткинсоном, М. Хэммерсли, М. Агаром.¹ В работе Берджесса «В поле» задаются рамки для анализа такой методологической проблемы, как формирование исследовательской позиции при использовании этнографического метода.

Методологические проблемы этнографического подхода исследовались также в работах П. Эткинсона и М. Хэммерсли. Они детально рассматривают возникающие в связи с проведением этнографического исследования вопросы как теоретико-методологического, так и практического характера: формулирование проблемы, отбор случаев для наблюдения, доступ в поле, формирование отношений с респондентами и т.д.

Углубленный анализ влияния социально-ролевых и личностных характеристик этнографа на формирование исследовательской позиции дан в работе «Профессиональный незнакомец» М. Агара. Анализ стилей этнографического описания представлен у Дж. Ван Маанена². Наиболее известная классификация ролей исследователя в этнографическом исследовании (наблюдатель как участник, участник как наблюдатель, полный наблюдатель, полный участник) предложена Р. Голдом³.

В отечественной традиции методологические проблемы этнографического подхода анализируются в работах И. Ф. Девятко, А. С. Готлиб⁴, в работе

¹ Burgess R. In the field, London, 1991; Hammersley M, Atkinson P. Ethnography: principle in practice, London, 1983; Agar M. The professional stranger. – NY, 1980; Agar M. Speaking of ethnography. – NY, 1986.

² Van Maanen On writing ethnography. – Chicago, 1988.

³ Gold R. Roles in sociological fieldwork. – London, 1958.

⁴ Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. – М., 2003, Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования, М., 1996; Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. – Самара, 2002.

П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой «Социальная антропология». В общем виде этнографический подход рассматривается в работах В. А. Ядова и В. В. Семеновой, посвященных качественной методологии¹. В диссертационной работе И. В. Забаева рассматриваются проблемы применения этнографического метода в исследовании религиозной хозяйственной этики². В отечественной антропологии отдельные методологические проблемы этнографического метода затрагивает Э. М. Никишенков³.

При разработке схемы для методологического анализа проблемы конструирования исследовательской позиции использовались работы Р. Берджесса, М. Хэммерсли и П. Эткинсона, М. Агара. Вопросы взаимодействия исследователя с представителями новых религиозных движений в процессе этнографического исследования анализировались в работах таких британских социологов, как А. Баркер, Дж. Бекфорд, Т. Роббинс, Д. Энтони⁴. В российской социологии практически отсутствует методологическая рефлексия в сфере этнографических исследований в области религиозных движений, отдельные темы в рамках социологии религии раскрываются в работах И. Н. Яблокова, Е. Г. Балагушкина, В. И. Гараджи, А. А. Ожигановой, Ю.В. Филиппова; проводят эмпирические исследования и публикуют отчеты по данной теме в контексте социологии и философии религии С. Б. Филатов, Б. З. Фаликов, Л. И. Григорьева, С. И. Иваненко, И. Я. Кантеров, М. С. Штерин⁴.

Теоретические и методологические основания исследования

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования стали подходы к анализу проблемы формирования позиции исследователя в этнографии, изложенные К. Гирцем, Хэммерсли и Эткинсоном, М. Агаром

¹ Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию. – М., 1998; Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М., 1998.

² Забаев И. В. Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: анализ социально-экономических доктрина РПЦ и хозяйственной практики монастырских общин. – М., 2006.

³ Никишенков Э. М. Из истории английской этнографии. – М., 1986.

⁴ Barker E. Of goads and men. – London, 1983; Barker E. Religious movements: Cult and anticult since Jonestown. – London, 1986; Barker E. The scientific study of religion? You must be joking. – London, 1995; Баркер, А. Новые религиозные движения. – СПб., 2005; Beckford J. New religious movements and rapid social change, 1986; Beckford J. Start together and finish together: Shifts in the premises and paradigms underlying the scientific study of religion. – London, 2000; Beckford J. A. The Mass Media and New Religious Movements. – London, 1994; Robbins T. «Quo Vadis» the scientific study of new religious movements, 2000; Robbins T. The transformative impact of the study of new religions on the sociology of religion // Journal for the scientific study of religion. – 1988; Robbins T., Anthony D. The sociology of contemporary religious movements. – London, 1979.

и Р. Берджессом, работы европейских социологов в области социологии религии.

Эмпирическая база диссертации основывается на исследованиях, проведенных автором в 2005–2007 гг. и включавших в себя следующие задачи и методы:

1. Реконструкция методологии эмпирических исследований религиозных движений в европейской социологии на основе расширенного библиографического поиска и анализа публикаций европейских исследователей (по базе статей Jstor; а также статей, размещенных на специализированном сайте www.cesnur.org).
2. Выделение существенных особенностей становления методологии отечественных исследований новых религиозных движений посредством анализа отечественных публикаций (главным образом, по журналам «Религиоведение» и «Религия и право»); мониторинга тематически релевантных статей, выкладываемых на сайтах сетевого проекта «Русский Архипелаг», информационно-аналитического портала «Сова», сайтах «Портал-Credo.ru», «Ассоциации исследователей религии» и др.
3. Экспертные интервью. В рамках исследования проведено восемь полустандартизованных интервью с ведущими экспертами, проводящими эмпирические исследования новых религиозных движений.
4. Включенное наблюдение, которое было осуществлено с целью проверки двух выводов, сделанных на основании интервью с экспертами: о том, что роль исследователя нельзя адекватно описать через жёсткую оппозицию «инсайдерства / аутсайдерства» и о приоритете эмоционального контакта над формальной включенностью в группу для установления взаимоотношений с респондентами. Объектом наблюдения стали два новых религиозных объединения: «Общество сознания Кришны» (г. Томск) и «Община айнуровцев» (Кемеровская область). Период включенного наблюдения – 2006–2007 гг. В ходе наблюдения исследователем осуществлялась методологическая рефлексия по поводу легкости проникновения в группу, допустимости пребывания в новорелигиозной группе в позиции человека, не разделяющего религиозную идентичность группы, проводилось сравнение процесса построения взаимоотношений в двух новорелигиозных группах различной степени открытости.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивалась путем сопоставления данных, полученных различными исследовательскими методами.

Цель, задачи, предмет и объект исследования

Объектом анализа стал процесс взаимодействия исследователя и информантов в социологических исследованиях с применением этнографического метода.

Предмет диссертационного исследования – процесс формирования исследовательской позиции в опыте современных исследователей новых религиозных движений.

Цель диссертационной работы заключалась в анализе особенностей формирования исследовательской позиции в ситуации исследования новых религиозных движений посредством этнографического метода.

Задачи исследования:

1. Анализ основных методологических проблем, связанных с применением этнографического метода в социологии: проблемы формирования исследовательской позиции, а также проблем применения различных теоретических перспектив в этнографии, валидизации данных в этнографическом исследовании и практического использования этнографических данных.
2. Конструирование аналитической схемы для анализа такой методологической проблемы этнографического подхода, как формирование позиции исследователя.
3. Историко-социологическая реконструкция методологических подходов к проблеме формирования исследовательской позиции в западной традиции социологии религии.
4. Описание и классификация исследовательских подходов к изучению новых религиозных движений, сложившихся в России (в период с 1990-го по 2006-й годы).
5. Анализ особенностей формирования позиции исследователя в практике отечественных исследователей в различных типах исследовательских подходов к изучению новых религиозных движений.

Научная новизна

- впервые в отечественной социологии проведен теоретико-аналитический обзор, осуществлены систематизация и обобщение литературы по проблеме формирования исследовательской позиции в этнографическом исследовании;
- предложена аналитическая схема для рассмотрения такой методологической проблемы этнографического подхода в социологии, как формирование исследовательской позиции;

- в соответствии со схемой проанализирован опыт европейских социологов по формированию исследовательской позиции в конкретной сфере применения этнографического подхода – изучении новых религиозных движений, результатом чего стало описание основных аспектов их этической ориентации и изложение отношения к категориям инсайдера и аутсайдера;
- на основе эмпирических исследований впервые произведена классификация основных подходов к изучению новых религиозных движений в России, выявлены характерные черты методологии каждого типа подхода: «свободного общения», «классического включенного наблюдения», «промежуточного подхода»;
- в отношении каждого выделенного подхода изучены и описаны такие факторы формирования исследовательской позиции в опыте отечественных исследователей, как рефлексивная идентичность исследователей (личностные и социально-демографические характеристики: возраст, религиозная принадлежность, особенности профессиональной социализации, мировоззрение), интерпретация ими ролей инсайдера и аутсайдера, ориентация в отношении профессиональной этики;
- на основании сравнительного анализа с использованием аналитической схемы выявлены и сопоставлены особенности формирования исследовательской позиции в отечественных и зарубежных исследованиях НРД;
- на конкретном эмпирическом материале подтверждены выводы европейских и отечественных исследователей о том, что исследовательская роль как составной элемент исследовательской позиции не может быть четко определена через категории инсайдера и аутсайдера, но представляет собой континuum меняющихся идентичностей.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Общая схема для методологического анализа проблемы конструирования роли исследователя должна включать в себя следующие аспекты:
 - личностные и социально-демографические характеристики исследователя;
 - соотнесение ролей инсайдера и аутсайдера;
 - этическую ориентацию исследователя.
2. В существующей в настоящий момент практике применения этнографического метода для исследования новых религиозных движений в России можно выделить три основных подхода: свободное общение (сбор информации с позиции академического исследователя без проведения систематического включенного наблюдения или формализованных интервью,

через непосредственное общение с лидерами движений), промежуточный подход (сбор информации об НРД через серии интервью) и непосредственно «классическое» включенное наблюдение.

3. Формирование исследовательской позиции в такой области этнографических исследований, как изучение новых религиозных движений, имеет свои характерные черты, причем в результате сравнения отечественной и зарубежной практики этнографических исследований НРД можно сделать вывод о наличии как общих моментов в формировании позиции исследователя, относящихся к этической ориентации исследователей, их представлении об этапах формирования исследовательской позиции и интерпретации ими категории исследовательской роли, так и специфических особенностей, связанных с личностной идентичностью исследователей.
4. В западной и в отечественной практике исследований новых религиозных движений формирование исследовательской позиции имеет следующие общие черты, касающиеся опыта интерпретации такого аспекта исследовательской позиции, как соотнесение ролей инсайдера и аутсайдера:
 - идентичность исследователя представляет собой некий континуум, состоящий не из четко фиксированных ролей, позволяющих отнести их носителя к категории ин- или аутсайдера, но представленный условными и изменяющимися позициями, конструируемыми в процессе взаимодействия;
 - приоритетным для формирования отношений с информантами (и, соответственно, для получения более содержательной информации) является не достижение статуса инсайдера, а установление эмоционального контакта.
5. Сходство этической ориентации европейских и отечественных исследователей связано с одинаковым пониманием необходимости соблюдения права респондентов на личную жизнь, представлением о необходимости информирования респондентов о проводящемся исследовании и избеганием возможного причинения вреда информантам.
6. Специфика отечественной практики изучения новых религиозных движений определяется, главным образом, личностными аспектами исследовательской позиции, характерными для членов сообщества исследователей НРД: отсутствием профессиональной социологической социализации, неявной религиозной идентичностью и др.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты проведенного исследования могут рассматриваться как вклад в методологию этнографического подхода в социологии.

Отдельные положения работы, в частности, анализ имеющихся в российской социологии подходов к изучению новых религиозных движений может быть полезен при организации эмпирических исследований в данной сфере.

Результаты исследования могут использоваться при разработке курса по социологии религии.

Апробация исследования

Основные положения диссертации были апробированы в научных публикациях, а также на следующих научно-практических конференциях: конференция аспирантов «Молодые социологи о трансформациях в России и вызовах современности» (Звенигород, 23–25 сентября 2005 г.), Четвертые Торчиновские чтения (С.-Петербург, 7–10 февраля 2007 г.), Вторая научно-практическая конференция аспирантов «Россия в современном мире: проблемы, тенденции, перспективы развития» (Звенигород, 22–24 сентября 2006 г.).

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении диссертационной работы раскрывается актуальность исследования и анализируется степень разработанности проблемы. Формулируются цель, объект, предмет и задачи исследования, его теоретико-методологические основания, научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава диссертации посвящена анализу основных методологических проблем, связанных с применением этнографического метода в социологии, а также реконструкции аналитической схемы для анализа такой методологической проблемы этнографического подхода, как формирование роли исследователя.

В первом параграфе первой главы раскрывается определение этнографического метода и приводится краткий обзор истории этнографического подхода в социальных науках.

В широком смысле этнографический метод – или этнографический подход – подразумевает составление описания повседневной жизни и культуры

локального сообщества через соучастие в повседневной жизни людей и применение неформализованных интервью.¹

Этнографический метод изначально использовался антропологами для описания «туземных сообществ»; постепенно этнографический подход стал применяться для изучения индустриального общества. Наиболее популярными этнографические исследования стали в настоящее время в таких областях социологии, как социология труда, медицины, образования, а также в изучении девиантного поведения². Начиная с 1970-х гг. довольно большое влияние на методологическую рефлексию в отношении этнографии стала оказывать постмодернистская критика; в результате появились исследования и публикации, выполненные под маркой т.н. «новой этнографии»³, основными характеристиками которой, как презентируют их сторонники этого направления, являются эмпатический характер взаимодействия с информантами и описание ситуации посредством концептов и категорий, принадлежащих изучаемой культуре, а не навязанных той культурой, к которой принадлежит исследователь.

В втором параграфе рассматриваются три основные теоретико-методологические проблемы этнографического метода в социологии: проблема использования различных теоретических перспектив в этнографии, проблема валидизации данных в этнографическом исследовании и проблема применения данных этнографического исследования.

В третьем параграфе отдельно рассматривается проблема формирования исследовательской позиции. Под исследовательской позицией в работе понимается совокупность личностных и социально-демографических характеристик исследователя (возраст, профессия и т.д.), роль исследователя как инсайдера или аутсайдера по отношению к изучаемой группе и профессиональный этический кодекс. На основании историко-социологического анализа основных подходов в данной области в диссертационной работе была разработана следующая схема для анализа проблемы конструирования исследовательской позиции:

1. Рассмотрение различных аспектов рефлексивной идентичности исследователя, (пол, возраст, профессия и т.д.)

¹ См.: Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. – М., 1998.

² Например, классическими являются исследования Глазера и Страуса в больницах, исследование Фестингером религиозной организации, описание У. Ф. Уайтом одного бедного городского района, работы Берджесса и т.д.

³ Saliba J. A. The new ethnography and the study of religion // Journal for the scientific study of religion. 1974. – Vol. 13. – № 2. – P. 145–159; Sangren P. S. Rhetoric and the authority of ethnography: «postmodernism» and the social reproduction of texts // Current anthropology. – Vol. 29. – № 3 (June, 1988). – P. 405–435; Marcus G. Ethnography in/out the world system: the emergence of Multi-sited ethnography // Annual review of anthropology. – 1995. – Vol 24. – P. 95–117 и т.д.

2. Анализ соотнесения ролей инсайдера и аутсайдера – то есть, степени включенности в изучаемую группу и влияние этой позиции на получаемые данные и составляемое описание, – и применимости данной аналитической дилеммы в рамках конкретной области социологических исследований. Для современной методологии этнографических исследований характерны противопоставление данных ролей, а также приоритет роли аутсайдера. Классическим методологическим приемом является указание на спектр возможных ролей исследователя, выделяемых в соответствии с тем, насколько он участвует в жизни той группы, которую изучает, а также с тем, насколько очевидно для этой среды то, что он этнограф¹.
3. Анализ этической ориентации исследователя. Отражающий принципы профессиональной этики полевого социолога кодекс, регулирующий определенные моменты поведения исследователя, стал разрабатываться и использоваться в рамках различных профессиональных ассоциаций антропологов и социологов (например, Британской Социологической Ассоциации). Тем не менее, на что указывает в частности М. Агар, эти этические кодексы оказываются недостаточно гибкими для реальной ситуации этнографического исследования, поскольку, например, в отношениях с респондентами «люди составляют представление о тебе на основе того, как ты ведешь себя день за днем, а не по тем официальным заявлениям, которые ты им предоставишь в начале».² Таким образом, официальные кодексы задают лишь каркас этикета исследователя; конкретное поле исследования требует своих нюансов в реализации регламентированных этических принципов. Эткинсон и Хэммерсли выделяют *пять основных этических вопросов*³, с которыми сталкивается этнограф, и которые не всегда можно разрешить, опираясь на предписания формальных этических кодексов:
- информирование респондентов о том, что они являются объектом исследования, о целях и задачах, стоящих перед исследователем;
 - сохранение респондентами права на личную жизнь;
 - невозможность причинения вреда представителям изучаемой группы;
 - избегание эксплуатации информантов;
 - последствия первичного исследования, которые могут оказаться на возможности проведения последующих исследований.

¹ В русскоязычной литературе типология приводится у И.Ф. Девятко в «Методах социологического исследования», М., 1998.

² Agar M. The professional stranger, NY, 1980, p. 60.

³ Hammersley M, Atkinson P. Ethnography: principle in practice, London, 1983.

Решение вопросов, связанных с конструированием позиции исследователя зависит от сферы, в которой проводится этнографическое исследование. В диссертационном исследовании показано, что наиболее остро проблема значимости роли инсайдера или аутсайдера, личностных характеристик исследователя, а также его профессионального этикета на отношения с объектом и качество описания, встает в сфере исследований религиозной тематики.

Во второй главе диссертации осуществляется историко-социологическая реконструкция методологических подходов к проблеме формирования исследовательской позиции в западной традиции социологии религии с целью анализа особенностей применения сконструированной схемы в такой сфере этнографических исследований, как изучение новых религиозных движений.

В первом параграфе второй главы рассматриваются основные теоретические концепции в социологии религии, на платформе которых происходила интерпретация такого явления, как новые религиозные движения. Показывается, что после того, как парадигма функционализма перестала занимать доминирующее положение в социальных науках наиболее распространенными и значимыми для изучения религии оказались концепции, использующие подход теории рационального выбора, использующие применительно к религии аналогию с рынком.

Во втором параграфе второй главы анализируется роль изучения новых религиозных движений для развития эмпирической социологии религии, рассматриваются два основных этапа в этнографических исследованиях НРД, а также главные направления современных исследований в данной области.

По Т. Роббинсу¹, социологическое изучение НРД прошло через два основных этапа своего развития: первый связан с интерпретацией НРД в рамках концепции «нового религиозного сознания» как альтернативы « utilitarianmu индивидуализму» (1960-е – конец 1970-х), а второй – с полемикой вокруг парадигмы «промывки мозгов», конфликтами между «прокультистами» и «антикультистами» (начиная с 1970-х и далее)².

В последние годы отличительной чертой эмпирических исследований НРД стало создание в некоторых европейских странах так называемых «информационных сетей», появившихся в качестве специфической формы практического применения данных, полученных в академических исследованиях НРД. В частности, А. Баркер создала в 1988 г. в Лондоне на базе Школы

¹ Robbins T. «Quo Vadis» the scientific study of new religious movements? // Journal for the scientific study of religion. – P. 518.

² Barker E. Religious movements: Cult and anticult since Jonestown // Annual Review of sociology. – 1986; Richardson J. T. review at Misunderstanding cults: Benjamin Zablocki, Thomas Robbins Searching for objectivity in controversial field // Sociology of religion. – 2003.

экономики (The London School of Economics and Political Science) и с поддержкой Правительства Великобритании «ИНФОРМ» (Information Network Focus on Religious Movements) – информационную сеть экспертов по нео-религиозной тематике, предоставляющую сведения о верованиях и деятельности различных новых религиозных движений. Сеть экспертов включает в себя друзей и близких обращенных в «новые религии», основателей и членов движений, государственные учреждения, полицию, социальных работников, священнослужителей и других специалистов в области религии. Еще одним широко известным научным центром по изучению НРД стал CESNUR (The Center for Studies on New Religions), базирующийся в Торино, Италии, учрежденный в 1988 г.

Создание информационных сетей позволило исследователям НРД в Великобритании и Италии легитимировать роль социолога как посредника между новорелигиозными движениями, с одной стороны, и членами семей последователей НРД, правительственными организациями, юристами и т.д. – с другой стороны.

В третьем параграфе в соответствии со схемой, изложенной в первой главе, анализируется опыт европейских исследователей по формированию исследовательской позиции в этнографических исследованиях НРД. Результат анализа, систематизированный в соответствии с аналитическими элементами схемы, выглядит следующим образом:

1. Личностные и социально-демографические характеристики исследователя. Для анализа данного аспекта исследовательской позиции в европейской социологии недостаточно данных. Можно отметить, что в европейской социологии религиозная идентичность является предметом саморефлексии исследователей. Например, два современных социолога религии – Глэдис Дэниел (Дублин) и Клэр Митчелл (Белфаст), проводившие исследование в Евангелической Церкви в Северной Ирландии¹ детально описывают свою собственную конфессиональную принадлежность и ее влияние на процесс налаживания отношений с информантами иной религиозной идентичности. Также имели место случаи, когда удачные и соответствующие критериям научности этнографические описания составляли исследователи, являющиеся последователями того или иного движения².

2. Соотнесение ролей инсайдера и аутсайдера. Отдельные социологи религии ставят под сомнение правомерность использования дихотомии инсайдер /

¹ Ganiel G., Mitchell C. Turning the categories inside-out: complex identifications and multiple interactions in religious ethnography / Sociology of religion, 2006.

² Баркер приводит в качестве примера двух таких социальных исследователей – M. Mickler (A History of the Unification Church in the Bay Area) и B. Jules-Rosette (African Apostles) / Barker E. The scientific study of religion? You must be joking, 1995.

аутсайдера для описания роли исследователя в изучаемой группе. Гэниэл и Митчелл обозначили три наиболее ярких подхода в современной социологии религии к интерпретации категории ин- аутсайдерства. Первая – «лави-рование между ролью исследователя и инсайдера», это восприятие собственной религиозной идентичности как ограничения, о котором нужно помнить и которое нужно стремиться отрефлексировать и ограничить в себе. Вторая позиция – представление о том, что в отношении различных собственных социальных идентичностей исследователь оказывается в различных позициях, что как раз дает возможность исследователю смотреть на изучаемую субкультуру, членом которой он является по какому-то критерию (например, по образованию) и по отношению к которой выступает аутсайдером по другому критерию (например, по религиозной идентичности), с разных точек зрения, спасающих от «ангажированности». Наконец, представительница третьей позиции, Нэйц (Neitz), чей подход совпадает с подходом Гэниэл и Митчелл, полагает, что в некоторых случаях противопоставление двух позиций – внутри и вне группы не различимо в принципе, поскольку «наша динамическая сложносоставная самость устанавливается непосредственно в диалоге, посредством социального действия – мы все одновременно и инсайдеры и аутсайдеры»¹. Таким образом, дихотомия инсайдера-аутсайдера, по мнению данной группы социологов, не может прояснить положение исследователя в большинстве ситуаций:

- во-первых, религиозная идентичность является составной частью множественной идентичности как некоторого континуума, который не выглядит набором фиксированных ролей – инсайдер, аутсайдер, но представлен условными и изменяющимися позициями, конструируемыми в процессе взаимодействия;
- во-вторых, для установления доверительных отношений с респондентами и в конечном итоге для более глубокого их понимания важным оказываются не социальные идентичности и ожидания, а эмоциональная связь, которая может способствовать доступу во внутренние сферы. Соответственно, между исследователем и респондентом могут складываться отношения, которые во временном отношении выходят за рамки локального исследования.

3. Этика исследователей НРД и опыт практического применения данных исследований в этой сфере. Специфика предмета новых религиозных движений проявляется главным образом в той «противоречивости», которая окру-

¹ Ganiel G., Mitchell C. Turning the categories inside-out: complex identifications and multiple interactions in religious ethnography // Sociology of religion. – 2006.

жает данное явление в социуме, провоцирует напряженность в сфере определений НРД, продуцируемых различными «лидерами мнений» – СМИ, социальными исследователями, самими движениями, а также антикультурными движениями. Можно выделить две особенности в формировании этических принципов в среде исследователей НРД.

Во-первых, исследователь НРД осознает себя функционирующим за пределами академического сообщества в качестве одного из «лидеров мнений» в области создания образов НРД, конкурирующим с другими лидерами мнений. В частности, Баркер выделяет четыре основных типа таких лидеров мнений: СМИ, сами НРД, социальные исследователи и АКД («анти-культовое движение»)¹. Для каждого из этих типов характерны: специфические цели описания, приоритетная информация, включаемая в описание, а также информация, на которую стаются не обращать внимание, метод получения данных, а также способы их публикации. В частности, СМИ² ориентируются на привлечение внимания аудитории в ущерб строгому оперированию фактами, АКД³ стремятся к «разоблачению опасных сект», привлекая для аргументации исключительно «негативные» факты, а сами НРД ориентированы на продвижение своего вероучения и саморекламу и оперируют преимущественно «позитивными» фактами о себе.

Тем самым, этический аспект конструирования роли исследователя НРД оказывается связан с поиском определенной «ниши» в ряду других лидеров мнений в области формирования образов НРД. В частности, А. Баркер позиционирует свою этическую позицию академического исследователя как «методологический агностицизм», подчеркивая независимость научных описаний НРД – в противовес несбалансированным образом НРД, поступающим от других лидеров мнений в этой области.

Во-вторых, исследователи НРД придерживаются определенных этических принципов⁴:

- специализированность описания: научное описание НРД должно исключать теологические суждения;
- нейтральность категориального аппарата: социологи используют определенные идеальные типы и концепты в своих описаниях, оговаривая, что они под ними подразумевают – некий функциональный дискурс, в идеале свободный от негативных коннотаций;

¹ Barker E. The scientific study of religion? You must be joking. – 1995.

² Beckford J.A. The Mass Media and New Religious Movements // ICJ. – 1994.

³ Еще об АКД и тезисе «промывке мозгов» см.: Anthony D., Robbins T. Conversion and «Brain-washing» in New Religious Movements // Annual Review of sociology. –1979.

⁴ Barker E. The scientific study of religion? You must be joking. – 1995. –P. 294–297.

- свобода от оценки и обоснованность описания: социолог стремится оторвать исследование от собственных ценностей, религиозных взглядов и т.д., достигая определенной степени объективности через техники триангуляции.

В третьей главе диссертации анализируются особенности формирования исследовательской позиции в опыте отечественных исследователей НРД.

В первом параграфе на основании проведенных экспертиз интервью выделяются основные типы этнографических исследований НРД, практикуемых в настоящее время в России.

В России история исследований НРД короче, чем на Западе: первые НРД появились в 1980-х годах, но первые попытки их изучения начались только в 1990-х. При этом вплоть до настоящего времени практически отсутствовали сколько-нибудь значимые исследовательские проекты или теоретические работы, посвященные ново-религиозным движениям (соответственно, большая часть проблем методологического характера, вставшая перед западными исследователями, еще не обрела своей актуальности в российском контексте).

Говорить о какой-либо сложившейся методологии изучения НРД в рамках российской социологии достаточно затруднительно. Представляется, что методологическая рефлексия по этому поводу скорее может заключаться в реконструкции ландшафта, состоящего из «субъектов исследования» – индивидов и исследовательских групп, занимающихся исследованиями НРД – каждый из которых занимает определенную методологическую позицию. Попытка такого исследования была осуществлена нами в 2006–2007 гг. Во-первых, проводился анализ исследований НРД в советское и постсоветское время в России с целью выявления особенностей самоописания исследователями полевого опыта, методологического обоснования выбора роли и т.д., а также с целью описания основных этапов становления отечественных эмпирических исследований. Эмпирическим материалом для последнего стали статьи, собранные на интернет-сайтах религиоведческой тематики, а также имеющиеся публикации в сборниках статей. Во-вторых, с целью анализа сложившейся в России полевой практики НРД было проведено восемь экспертных интервью. Главными задачами было выяснение восприятия внешней социокультурной ситуации исследователями НРД, полевые стратегии, которыми они пользуются в процессе изучения ново-религиозных субкультур, используемые ими концепты, а также специфика формирования позиции включенного наблюдателя в этой сфере и представления о том, в чем может заключаться этика исследователя при взаимодействии с новорелигиозными движениями.

Главными критериями академической идентичности при выборе экспертов стали их преподавательская деятельность в ВУЗах, публикации по теме НРД в рецензируемых научных изданиях и опыт проведения эмпирических исследований в сфере НРД. Опрошены были один кандидат и четыре доктора философских наук, два доктора исторических наук, кандидат юридических наук, доктор социологических наук. При проведении интервью использовался опросник, содержащий три блока, хотя в целом интервью было нестандартизованным, занимало по продолжительности от одного до двух с половиной часов. Гайд включал открытые вопросы, предполагающие развернутые ответы, и состоял из трех основных блоков: информированность о развитии эмпирической социологии религии в России (в частности, вопросы о том, какова была теоретическая платформа в эмпирических исследованиях религии 1960–1970-х гг., какие основные концепции использовались, проводились ли эмпирические исследования в этой области и каким образом: цели, методы, структура исследования, систематизация материала, сохранилась ли полученная в этих исследованиях информация, в какой форме); осведомленность о появлении новых религиозных движений в России, интерпретация данного понятия (в этом блоке задавались следующие вопросы: когда появились первые неорелигиозные группы, какие, каково было отношение к ним со стороны общественности и в академической среде, какие использовались определения, концепции для операционализации феномена, кто занимался первыми исследованиями, кто занимается изучением НРД сейчас, какую классификацию НРД считаете приемлемой) и, наконец, особенности личной исследовательской позиции в отношении НРД (чем вызван исследовательский интерес к теме НРД, каковы были непосредственные контакты с НРД, какой должна быть позиция исследователя и основные темы для исследования в данной сфере, какова практическая ценность исследований НРД и т.д.). В результате проведения экспертных интервью и анализа Интернет-ресурсов стало возможным выделить ряд исследовательских стратегий по изучению НРД в современной России. Использование материалов интервью в научных целях было согласовано с респондентами.

Были выделены следующие три типа сбора данных об НРД – «неформализованное общение», «эмпирическое исследование», а также промежуточный стиль, используемый исследовательской группой С. Филатова, который сам Филатов именует «геродотовским методом».

«Неформализованное общение»: Большая часть опрошенных экспертов являются достаточно яркими личностями, известными за пределами академической среды, что заставляет представителей многих НРД самих искать

контакта с ними, таким образом, в их распоряжении оказываются достаточно обильные источники информации. Именно высокий статус и авторитет делают возможной позицию «независимого эксперта» – информанты фактически приходят к ним сами. Получение информации о новорелигиозных движениях при помощи «свободного общения» в какой-то степени соответствует позиции «полного наблюдателя», выделенной Голдом. Особенности этой исследовательской стратегии следующие:

- основные методы, которые использует эксперт – это анализ документов, а также неформализованные интервью;
- исследователь не выбирает ситуации, к которым он будет иметь доступ и в поле занимает пассивную позицию;
- информантами как правило становятся лидеры движений, а также те, кто ответственен за связи с общественностью, с рядовыми последователями общения не происходит (и здесь уже уровень информации будет зависеть от компетентности лидеров движений);
- контакт с экспертами стремятся установить наиболее социально-активные движения (кришнаиты, сайентологи и т.д). и те, что имеют свои подразделения в столице, тогда как некоторые субкультуры (например, неоязыческие) предпочитают оставаться в тени, за рамками внимания оказываются также региональные объединения.

«Геродотовский подход» С. Филатова Группа исследователей под руководством Филатова занимается сбором информации об НРД на территории всей России, публикуя материалы в справочнике «Современная религиозная жизнь в России». (Проект ведется с 1997 года).

Позицию, которой придерживается Филатов по типологии Голда можно отнести к промежуточной позиции между «полным наблюдателем» и «участником-как-наблюдателем». От тактики «свободного общения» ее отличает большая активность и вовлеченность в среду новорелигиозных движений: группа исследователей Филатова проводит встречи с представителями различных региональных движений. Итак, основными особенностями метода Филатова являются:

- краткосрочные встречи с представителями новорелигиозных движений (как правило, одному движению уделяется от нескольких дней до двух месяцев);
- акцент на применении неформализованных интервью с гибкой структурой вопросов, которая выстраивается в соответствии со спецификой каждого отдельного движения и информанта;

- типологизирующий подход к теоретической выборке: количество проводимых интервью и информантов различается в зависимости от конкретного НРД;
- проведение с определенной периодичностью повторных исследований движений;
- отсутствие более детальных исследований по отдельным НРД: основной целью является полная картина деятельности всех НРД на территории России;
- в собираемой информации приоритет отдается сведениям о вероучении изучаемой группы, фактически не собираются демографические сведения о ее составе и социальных характеристиках последователей движения.

Включенное наблюдение Л. И. Григорьевой

Еще одну методологическую позицию представляет Л. И. Григорьева – практически единственный социолог в России, занимающийся полевыми этнографическими исследованиями в новорелигиозных группах. Она использует классический метод включенного наблюдения, практикует длительные контакты с религиозными общинами. Наиболее известное ее исследование, отраженное в докторской диссертации, – это изучение Виссарионовской общины, группы Веры Бахай, анастасиевцев, Белых Братьев и Сахаджа-йогов.

Можно выделить следующие особенности исследовательского метода Григорьевой:

- основной используемый при изучении НРД метод – включенное наблюдение, предполагающее плотное взаимодействие с общинами НРД;
- временные ограничения на продолжительность этапа полевых исследований (от одного до трех месяцев), связанные с психологическими особенностями взаимодействия с последователями НРД;
- использование глубинных интервью, ведение полевых записей;
- сохранение при развитии взаимоотношений с неорелигиозными группами двойственной позиции, того, что Эткинсон и Хэммерсли назвали «marginal native»: когда она общается с последователями движений, она действует как участник – тем не менее, многие осведомлены и об ее исследовательской идентичности;
- ограничения взаимодействия с группой в ситуациях конфликта между нормами группы и собственными моральными установками;
- фокусирование исследовательского интереса на ряде конкретных движений, предполагающее чередование непосредственного взаимодействия и сбора документальной информации;
- акцент на установление эмоциональной связи, доверительных отношений в процессе взаимодействия с информантами.

Подходы к получению информации об НРД отечественных исследователей представляют собой континуум стилей этнографического исследования: от серий свободных интервью до классического включенного наблюдения.

Во втором параграфе описываются общие и специфические для выделенных подходов особенности конструирования исследовательской позиции и систематически сопоставляются с теми характерными для европейских исследователей НРД аспектами формирования позиции, которые были рассмотрены во второй главе. Раскрываются следующие моменты, характеризующие особенности формирования исследовательской позиции у отечественных исследователей:

1. Аспекты рефлексивной личной идентичности исследователя.

Автор показывает, что наиболее значимыми из личностных и социально-демографических характеристик исследователя, влияющих на особенности формирования исследовательской позиции, оказались возраст, профессия и религиозная идентичность. Эксперты, практикующие «свободное общение» и С. Филатов, возглавляющий группу исследователей – это люди старшего возраста (старше пятидесяти лет), имеющие степени профессоров. В том, что касается религиозной идентичности, выявить ее достаточно сложно, так как она остается за рамками профессиональной идентичности. Из проведенных интервью можно сделать вывод, что большинство экспертов считают себя верующими христианами. Л. И. Григорьева, проводящая включенное наблюдение, относится к среднему возрасту (40–45 лет), и ее религиозные предпочтения наименее «прозрачны».

Что касается особенностей профессии, то спецификой российской ситуации в эмпирических исследованиях НРД оказалось отсутствие сложившихся научных школ и направлений в сфере социологии религии: отдельные немногочисленные исследователи в данной области в целом изолированы друг от друга и имеют разную дисциплинарную платформу (социологи, историки, религиоведы, юристы), придерживаются достаточно разных точек зрения на объект своих исследований, а также печатаются в различных изданиях (научных, развлекательных, религиозных). Это приводит, во-первых, к тому, что исследователи используют различный методический инструментарий (основные тактики исследования были описаны выше) – в отличие от европейских исследований НРД, где изучение новорелигиозных групп проводится на базе социологических факультетов и с использованием социологических методик (включенное наблюдение, массовый опрос). Большинство современных российских социологов, анализирующих НРД, занимались религиозной проблематикой еще в СССР, на базе факультетов истории

и научного атеизма, и, как правило, не пользуются социологическим инструментарием. Во-вторых, в разделе российской социологии религии, посвященном НРД, в настоящее время отсутствует общепринятый категориальный аппарат.

По результатам *дискурс-анализа*, проведенного с целью выявления особенностей концептуального аппарата исследователей НРД (материалом для анализа стали опубликованные научные работы по проблеме НРД), был сделан следующий вывод: отличительной чертой исследований в НРД в России является составление описаний при фактически полном отсутствии отсылок к тем или иным концепциям и теоретическим направлениям в социологии – тогда как западные социологи при проведении исследований новых религиозных движений действуют в контексте определенных социологических парадигм (главным образом, интерпретативной и теории рационального выбора). Наиболее оптимальным большинство социологов признают термин «новые религиозные движения» – по причине его «этической корректности»: в нем отсутствуют смысловые оттенки, которые могли бы задеть религиозные чувства верующих. В среде российских исследователей ново-религиозных движений нет единого отношения к этому понятию. Отдельные исследователи используют термин НРД – в силу его «политкорректности», принимая позицию А. Баркер (И. Кантеров, Лопаткин Р., Кравчук В., Штерлинг М.), другие считают его бессодержательным (С. Филатов, С. И. Иваненко, Л. Григорьева). Таким образом, в среде исследователей ново-религиозных групп нет единого концептуального аппарата, тем не менее, термин НРД является наиболее общеупотребимым.

2. Соотнесение ролей инсайдера и аутсайдера.

В ходе интервью с современными российскими исследователями, занимающимися изучением НРД, сложилось впечатление, что они проводят четкую границу между собой и участниками НРД, занимая по отношению к ним позицию аутсайдера или «полного наблюдателя». Эта особенность полевой практики российских социологов имеет некоторые общие специфические черты:

- внешне каждый из них действует «в поле» и в академическом сообществе, не афишируя своих религиозных взглядов, пользуется «светским» концептуальным аппаратом и позиционирует себя как «человека науки», а не «человека религиозного» или «православного»;
- собственная религиозная идентичность и религиозный опыт в большей или меньшей степени воспринимаются как возможность для понимания других верующих и как источник интереса к теме религиозности в целом;
- по отношению к новым религиозным движениям исследователи позиционируют себя аутсайдерами – идентичность академического исследователя уже безоговорочно выходит здесь на первый план.

- исследователи, практикующие «свободное общение», а также группа Филатова при взаимодействии с НРД пользуются ролью «социолога» и «независимого эксперта», которая уже сформирована и определяется академическим статусом.

Таким образом, для исследователей, изучающих НРД, но не проводящих длительное включенное наблюдение, дилемма «инсайдера-аутсайдера» остается актуальной для описания позиции исследователя, и сами они оценивают свою позицию в большей степени как «аутсайдерскую».

Непосредственно включенное наблюдение влечет за собой специфические трудности по конструированию исследовательской роли. Анализ опыта эмпирических исследований Григорьевой позволяет выявить следующие ключевые моменты в вопросе соотнесения ролей «инсайдера» и «аутсайдера»:

- роль внутреннего аутсайдера по отношению к НРД может служить платформой для принятия в поле целого спектра исследовательских ролей: от «полного участника» до «полного наблюдателя»;
- роль ин-, аутсайдера является сложносоставной: исследователь может достаточно легко находить доступ в поле к неорелигиозным движениям, если у них имеются общие статусные характеристики: возраст, образование и т.д., даже если в том, что касается его религиозной идентичности, он выступает в качестве аутсайдера;
- установление эмоционального контакта с респондентами является приоритетным в формировании исследовательской позиции, позволяя сохранять доверительные и открытые отношения без принятия роли «религиозного инсайдера».

Итак, выводы, которые делает Григорьева из собственной практики включенного наблюдения, аналогичны тем, что делают европейские исследователи. Соответственно, можно предположить, что дилемма «ин-аутсайдера» оценивается как менее адекватная исследователями, имеющими благодаря практике длительных включенных наблюдений более глубокие отношения с респондентами.

3. Этические проблемы взаимоотношений с респондентами.

А) Автор показывает, что специфической особенностью контекста формирования этических принципов для российских исследователей является их положение в ряду других лидеров мнений в области создания образов НРД. В России действуют следующие группы лидеров мнений в области НРД:

- Анти-культовое движение, наиболее активными представителями которого выступают православные лидеры, и в частности А. Л. Дворкин, в 1993г. возглавивший Информационно-консультативный Центр священ-

номученика Ирепея Лионского (ИКЦСИЛ), популяризирующий концепцию тоталитарных сект и «зомбирования сознания». В 2006 году под руководством Дворкина была создана Российской ассоциация центров изучения религии и сект, представители которой, состоящие преимущественно из священников РПЦ, претендуют на статус консультативного центра, осуществляющего мониторинг СМИ, проводящего независимые религиоведческие экспертизы и исследования различных религиозных объединений¹. В рамках деятельности РАЦИРС («Российская ассоциация центров изучения религии и сект», основана в 2006 г; президент – А. Л. Дворкин) не проводится эмпирических исследований, тем не менее, распространяемая ассоциацией информация о последователях различных религиозных групп и их количестве, а также специфическая терминология («тоталитарные секты», «зомбирование» и т.д.) широко используется государственными органами и популяризуется в общественном дискурсе²;

- СМИ, механизм работы которых в России обнаруживает сходство с принципами отбора информации в западных масс медиа. Отечественные СМИ склонны изображать НРД как угрожающие, странные, эксплуатирующие и жестокие³;
- Академические исследователи НРД, которые базируются на платформе факультетов университетов (МГУ, РГГУ, КГУ), существуют также отдельные негосударственные объединения, в которых социологи участвуют в качестве экспертов – в частности, Славянский правовой Центр, с которым работают группа С. Филатова, В. Кравчук (РАГС).

В отличие от европейских социологов, которые в настоящий момент находятся на стадии создания информационных сетей при поддержке государства, академические исследователи новых религиозных движений в России не выработали независимой позиции и находятся в достаточно дискомфортной ситуации борьбы за легитимность собственного дискурса с конкурентами: другими производителями информационных сообщений об НРД – журналистами и анти-культистами. Во-первых, они не ощущают поддержки государства, а во-вторых, сама проблематика их исследований ставит их под подозрение в «ангажированности» уже в рамках непосредственно

¹ <http://www.anticekta.ru/Racirs/1.html>

² См.: Кантеров И. Новые религиозные движения в России, религиоведческий анализ. – М., 2006. В частности, Кантеров указывает на то, что концепт «тоталитарной секты», введенный Дворкиным, а также соответствующая оценка НРД как «деструктивных культов» использовались при составлении информационных материалов МВД и Министерства здравоохранения, активно задействовавшихся при регистрации неорелигиозных объединений и судебных процессов.

³ Агаджанян А. Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России ; под ред. Кариайнена, Д. Фурмана. – М., 2000. – С. 123

академического сообщества. Таким образом, в этом плане позиция отечественных исследователей НРД является отчасти маргинальной, что, по-видимому, связано с относительно непродолжительной историей проведения исследований в данной сфере в России.

В) Что касается непосредственно этических аспектов взаимодействия с НРД, то здесь автор показывает, что российские исследователи акцентируют внимание на тех же проблемных моментах, что и Баркер.

Проблема информирования респондентов является в настоящий момент менее актуальной для российских исследователей, поскольку они, как правило, открыто выступают с позиции аутсайдера – академического ученого. Григорьева, практикующая включение наблюдение, делая приоритетным налаживание эмоционального контакта и дружеских отношений с респондентами, также не скрывает своей академической идентичности. Можно предположить, что спецификой новорелигиозных движений является их гибкость в проведении границ между ин- и аутсайдерами, поскольку, с одной стороны, лидеры движений воспринимают интересующихся их движением как неофитов или потенциальных неофитов, а с другой стороны, сам процесс включения в группу допускает постоянную рефлексию и сомнения в принадлежности к группе.

Право информантов на частную жизнь и устранение возможной эксплуатации в контексте «свободного общения» и проведения серий интервью также реализуются автоматически, поскольку информацию дозируют сами информанты. Что касается Григорьевой, то она, во-первых, не скрывает свои собственные убеждения, а во-вторых, принимает на себя внутренне обязательство – не публиковать личные сведения, если это может нанести ущерб тому, от кого они получены.

Что касается возможного причинения вреда, то поскольку новые религиозные движения воспринимаются в обществе и в правительственный структурах как потенциально опасные и деструктивные, эта проблема, о которой говорят Хэммерсли и Аткинсон, приобретает амбивалентный характер: одни эксперты рассматривают в качестве этической проблемы потенциальный вред, который могут принести научные описания НРД последователям движений, а другие исследователи проблематизируют потенциальную опасность самих движений для их социального окружения.

Оценивая последствия для будущих исследований, можно заметить, что здесь ситуация аналогична положению дел на Западе: поскольку НРД испытывают давление со стороны антикультристских организаций, представителей Православной церкви и журналистов, то они заинтересованы в предоставлении

информации о себе академическим исследованиям. Соответственно, многие из них легко идут на контакт и зачастую сами выступают его инициаторами.

В третьем параграфе описываются результаты собственного включенного наблюдения, проведенного с целью проверки некоторых выводов относительно интерпретации категории «исследовательская роль», сделанных на основании интервью с экспертами. По итогам включенного наблюдения в двух новых религиозных движениях («Общество сознания Кришны» и «Община айнуровцев») подтвердились следующие представления экспертов о проблеме адекватности дилеммы «ин/аутсайдера» для описания процесса конструирования исследовательской роли:

Во-первых, в процессе взаимодействия с респондентами актуализируются различные составляющие идентичности исследователя: будучи аутсайдером в плане религиозной идентичности, можно оказаться инсайдером в плане таких статусных характеристик, как возраст, доход, образование. При этом самоидентификация членов новых религиозных движений также может оказаться неоднозначной (например, не все последователи движения «Сознания Кришны» считают себя «кришнаитами» и т.д.). Таким образом, идентичность исследователя (как и информантов) действительно представляет собой некий континуум, состоящий из нечетко фиксированных ролей, позволяющих отнести их носителя к категории инсайдера или аутсайдера, но представленный условными и изменяющимися ролями, конструируемыми в процессе взаимодействия.

Во-вторых, установление эмоционального контакта является решающим при формировании взаимоотношений с информантами, в отличие от наличия статуса «инсайдера». Подтверждением тому могут служить случаи, когда исследователю, имеющему хорошие взаимоотношения с респондентами – и проявляющему интерес, – предоставлялась информация, недоступная для других последователей движения, имеющих плохие отношения (с отдельными членами движения или со всем обществом в целом) или не выказывающими интереса.

В «Заключении» диссертационной работы подведены общие итоги исследования, сформулированы основные выводы, касающиеся особенностей конструирования исследовательской позиции в этнографических исследованиях новых религиозных движений.

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах и журналах, рекомендованных ВАКом Министерства образования и науки России

1. Филькина А. В. Методология изучения современных религиозных феноменов: постановка проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 12(63). Сер.: Гуманитарные науки (Социология). Объем – 0,2 а.л.
2. Филькина А.В. Конструирование позиции исследователя в изучении новых религиозных движений этнографическим методом // Социология. – 2009. – № 28. Объем – 1 а.л.

Другие работы, опубликованные автором по теме кандидатской диссертации

1. Котликова (Филькина) А. В. Этнографический метод в социологии: к вопросу о применении // Сборник тезисов к VII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (14–18 апреля 2003 г.) Т. 5. – Томск, 2003. Объем – 1 а.л.
2. Котликова (Филькина) А. В. Качественные методы: природа концептуализации // Сборник тезисов к VIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (19–23 апреля 2004 г.) – Т. 6. Ч. 2. – Томск, 2004. Объем – 1 а.л.
3. Котликова (Филькина) А. В. Конструктивные аспекты критической деконструкции: методологические установки постмодернистской этнографии // Социологические этюды : сборник статей аспирантов ; под ред. М. К. Горшкова. – М., 2006. Объем – 0,2 а.л.
4. Филькина А. В. Этнография: несколько слов о тупиках валидности // Сборник тезисов X Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15–19 мая 2006 г.). Т. 5. – Томск, 2005. Объем – 0,4 а.л.
5. Борисова А. Н., Филькина А. В. Некоторые черты социально-духовного портрета активно практикующего вайшнава (кришнита) в России / «Вайшнавская традиция в России: история и современное состояние» ; под ред. С. И. Иваненко. – М., 2008. Объем – 1 а.л.;
6. Филькина А. В. Объективность исследователя в этнографии НРД // IV Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока : мат-лы науч. конф. (7–10 февраля 2007 г.) – СПб., 2007. Объем – 0,4 а.л.
7. Котликова (Филькина) А. В. Исходные презентации и «аборигенное» социальное знание в этнографическом исследовании: угрозы валидности // Социологические методы в современной исследовательской практике : мат-лы Всероссийской научной конференции памяти А. О. Крыштановского. – М. : ГУ ВШЭ ; ТЕИС, 2007. Объем – 0,4 а.л.

Подписано в печать: 02.03.2009 г. Бумага: офсетная
Тираж: 100 экз. Печать: трафаретная
Формат: 60×84/16 Усл. печ. л.: 1,62
Заказ: 405/Н

Издательство
Томского государственного педагогического университета

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93
e-mail: publish@tspu.edu.ru

